

ПРИМОРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Татьяна
ПОЛЯКОВА

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

Евгения
МИХАЙЛОВА

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Наталья Александрова
Приморский детектив

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Приморский детектив / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2019 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-103774-1

Целый год мы с нетерпением ждем летнего отпуска, чтобы наконец увидеть море, удобно устроиться на шезлонге под зонтиком и забыть обо всем под плеск ласковых волн. А компанию составят любимые писатели, чьи рассказы вошли в новый сборник «Приморский детектив», — Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова и другие известные авторы. Ведь где, как не на солнечном курортном берегу, кроются самые жгучие тайны!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103774-1

© Александрова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Наталья Александрова	6
Елена Неволина	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Наталья Александрова, Дарья
Калинина, Татьяна Полякова, Анна
и Сергей Литвиновы, Екатерина
Неволина, Евгения Михайлова**
Приморский детектив
Сборник рассказов

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Наталья Александрова

Чайки над пляжем

Сазонов осторожно, стараясь не сильно шуметь, повернул шезлонг так, чтобы увеличить обзор, и принял самую расслабленную позу. Нет, все равно что-то не так. Ага, ветер так задует, что не расслабишься. На улице середина мая, а ветрюган такой холодный, весна, называется. Хоть солнце светит, на пляж не выйти, ну, в нашем климате дело обычное, на Балтике часто так бывает.

Вчера у Сазонова мелькнула идиотская мысль попробовать войти в море. Все же, если живешь возле синего, с позволения сказать, моря, буквально на пляже, надо этим пользоваться. Он разделся, дошел до линии прибоя, отмеченной полоской водорослей, и даже сделал шаг в воду... но тут же выскочил, как ошпаренный. Вода была просто ледяная. Она обжигала, от нее перехватывало дыхание.

Однако сегодня все же нашелся смельчак, который не побоялся в эту воду войти. Точнее, нашлась. Худая высокая старуха, вчера приехавшая в санаторий, быстрыми шагами пересекла пляж, сбросила длинный темно-красный халат и решительно вошла в воду.

Сазонов ждал, что она тут же выскочит с оглушительным визгом – но этого не случилось: старуха бодро прошла по отмели, миновала торчащий из воды камень и окунулась в волны.

Сазонову от одного ее вида стало холодно. Он укутался в плед, любезно оставленный рядом с шезлонгом, и надел темные очки. Отсюда ему отлично видна почти вся территория, а его никто не заметит.

Ага, вон тот объект как раз вышел из процедурного корпуса. Остановился и вдруг поднял руку ладонью вверх, потом махнул два раза. Сазонов напрягся и вытянул шею – кажется, это то, что нужно.

– Вы опять не пошли на гидроаэробiku! – прозвучал рядом высокий пронзительный голос.

Сазонов едва удержался, чтобы не вздрогнуть. Ну как это у нее получается – подкрадываться бесшумно! Вроде бы не пушинка, ходит вперевалку, топает иногда как слон, а вот поди ж ты...

Он не пошевелился в тщетной надежде, что она посчитает его спящим и деликатно уйдет. Ага, как же. Она плюхнулась на соседний шезлонг, который жалобно скрипнул под ее солидным весом, и тут же пихнула его в плечо.

– Так отчего вы не пошли на гидроаэробiku? Я знаю, что вы не спите, не притворяйтесь!

– А? Что? – Сазонов снял темные очки. – Вот как раз задремал, а тут вы...

Он сразу же понял, что с ней можно не стесняться, намеков она не понимает, зато и не обижается.

– Не люблю бассейны, – соврал он, – у меня на запах хлорки аллергия. Глаза краснеют, и тело чешется. Прямо как будто чешуей покрываюсь... – нарочно добавил он.

Эта болтушка разнесет про его аллергию по всему санаторию, и возможно, это отпугнет от него кое-кого из слишком активных дам. Скучно в санатории, вечерами делать нечего, а тут мужчина молодой и одинокий, вот они и липнут. А ему не до них совсем, не для того он тут торчит, чтобы романы с дамочками не первой свежести заводить.

Он скосил глаза на свою соседку.

Да уж, про эту не подумаешь, что она на него глаз положила, уж очень несуразная. Носик пуговкой, глаза круглые, да еще подводит их, так что вообще на сову похожа. Рот сердечком накрашен, а волосы какого-то ультрарыжего цвета, придет же в голову так покраситься. Спереди зализаны, на затылке фига какая-то скручена, а на лобик узенький два локончика выпу-

щены. Мать Сазонова, помнится, называла их «завлекушечки». Да уж, не женщина, а картина маслом.

Голос высокий, визгливый небось, когда кричит, одевается жутко. Сегодня, к примеру, на ней что-то пестро-клетчатое, в таком прикиде хорошо Рэмбо изображать, в джунглях не видно будет, попугаи за своего примут.

Сазонов поначалу хотел ее отвадить, да понял, что она может быть полезна: когда она с ним, то другие не лезут. А что болтает много, так можно не слушать. Просто отключиться.

И, справедливости ради, не только возле него она отирается, с разными людьми общается, так что иногда и отдохнуть от нее можно. Да только он-то не отдыхать сюда приехал, у него работа...

Сазонов отвернулся и посмотрел вниз. Его объект как раз сворачивал за процедурный корпус с самым подозрительным видом.

– На свидание побежал, – сообщила Марианна, перехватив, надо думать, его взгляд. Это плохо, подумал Сазонов, нужно за собой следить, не то объект может его раскрыть раньше времени.

– Какое свидание? – До него дошел смысл ее слов с заметным опозданием.

– У него тут любовница, – Марианна смотрела на него невозмутимыми круглыми глазами, не моргая, как сова.

– Какая еще любовница? – Сазонов отмахнулся. – Он же только вчера приехал!

– Она тоже приехала. Это Юлия.

Юлия была молодая и довольно интересная шатенка, которую привез вчера муж на дорожной машине с охраной.

– Ну надо же... – протянул Сазонов. – Не верится как-то, она такая... а этот...

– Олег Кисин, – подсказала Марианна, – да, видок у него неказистый, однако любовь зла!

– А отчего же они так шифруются, муж-то уехал давно? – невольно спросил Сазонов.

Собственно, интереса у него не было никакого, если Марианна права, то этот самый Олег Кисин не его объект. Равно как и Юлия, хотя она тоже приехала вчера.

– А муж ее Лизавете денег дал, чтобы она его женушку тут контролировала, – сообщила Марианна и вытащила из кармана дешевую карамельку. – Будете?

– Да нет! – отмахнулся Сазонов.

Лизавета работала администратором, то есть сидела за стойкой в главном корпусе, кроме этого ее можно было встретить повсюду, и что самое удивительное, одновременно. И в бассейне, и в сауне, и на приеме у врача, и в столовой. Везде она успевала сунуть свой длинный, шевелящийся, как у крысы, нос. Иногда Сазонову казалось, что Лизавета не одна, что у нее есть несколько клонов.

– Вы точно знаете? – спросил Сазонов расстроенным голосом, выходит, зря он полдня высматривал этого Кисина.

– Ага, – невнятно ответила Марианна, запихнув в рот конфету, – я слыфала... я слышала, как они договаривались. Обычная услуга, Лизавета берет по-божески, тыщу рублей в день. Зато полный отчет предоставляет, все двадцать четыре часа в сутки – когда жена встала, что ела, куда ходила, с кем разговаривала... все записано и подсчитано. Так что шифруются голубки наши, вот, в процедурном корпусе после обеда никого не будет, так они там...

Сазонов утешил себя дежурной фразой, что отрицательный результат – это тоже результат, и пригласил Марианну в столовую. Дескать, пораньше пойдем, места удобные зайдем и так далее.

После обеда в санатории полагался тихий час, а потом Сазонов вышел из жилого корпуса, пошел по дорожке из серых гранитных плиток через дюну. На песке были видны следы чаек, словно клинописные письмена на каком-то давно забытом языке, но ветер на глазах заглаживал, зализывал их до полной неразборчивости, увеличивая сходство с древними письменами.

Еще немного – и от этой клинописи ничего не останется. Сами чайки парили над пляжем, покачиваясь, купаясь в ветре, беззащитно нарушая законы физики.

Сазонов дошел до приземистого здания кафе, вошел внутрь, занял столик в самом углу, откуда можно было наблюдать за всеми, оставаясь при этом незаметным. К нему тут же подошла официантка Мила, остановилась, наклонив голову к плечу и накручивая локон на палец, спросила грудным чувственным голосом:

– Что для вас сделать?

Сазонов предпочел не заметить двусмысленности и проговорил намеренно сухо:

– Американо.

– Чего-нибудь в него добавить? – промурлыкала Мила, наклонившись так, чтобы вырез блузки оказался прямо перед его глазами.

Сазонов взглянул непонимающе, и она пояснила:

– Молока, сливок, корицы?

– Нет, спасибо, просто черный кофе.

Мила разочарованно вздохнула и удалилась.

Сазонов оглядел зал.

Кроме него в кафе присутствовала Нина Петровна – полноватая, ярко одетая дама лет пятидесяти с небольшим, выкрашенная в принципиальную блондинку. Рядом с ней сидела молодая женщина, очень на нее похожая, с озабоченным лицом.

Подошла Мила, поставила на столик перед Сазоновым кофе, промурлыкала:

– Еще что-нибудь?

Сазонов не успел ответить, потому что рядом с ним неизвестно откуда появилась Марианна, плюхнулась на свободный стул и произнесла своим резким высоким голосом:

– Больше ничего, Милочка!

В ее исполнении имя официантки прозвучало почти оскорбительно. Мила фыркнула, но прежде чем удалиться, сухо осведомилась:

– Вы-то заказывать что-нибудь будете?

– Мороженое... – выпалила Марианна и тут же нехотя добавила:

– Низкокалорийное.

– Сорбет? – уточнила Мила и наконец ушла.

Сазонов тяжело вздохнул и повернулся к Марианне. Сейчас ее волосы были собраны в сложную конструкцию на макушке и перехвачены широкой зеленой шелковой лентой. Сазонов подумал – и почему это все рыжие женщины уверены, что им идет зеленое? Впрочем, про эту и не скажешь, что хочет прихорошиться, такое впечатление, что одевается нарочно хуже некуда. Вот сейчас на ней какой-то бесформенный балахон цвета болотной тины, а на ногах розовые кроссовки, да еще никак со стразами... Ох, грехи наши тяжкие!..

Больше ничего подумать он не успел, потому что Марианна уставилась на его чашку совиными глазами и протянула:

– Так-так!

Сазонов усмехнулся:

– Надеюсь, вы не выдадите меня Ван Санычу?

Иваном Александровичем звали здешнего лечащего врача, и он строго-настрого запретил своим пациентам пить кофе. Дескать, мы тут вас лечим, а вы...

– Я никогда не стучу! – в голосе Марианны прозвучала обида. – Тем более на друзей!

– Если не пить кофе, – произнес Сазонов с тяжелым вздохом, – зачем тогда вообще жить?

– Ну, для этого могут быть разные причины... – взгляд Марианны затуманился.

Впрочем, она тут же собралась, пригнулась к Сазонову и зашептала с интимным придыханием:

– Вот, кстати, Нина Петровна... она явно не так проста, как кажется. Далеко не так проста!

– Кто? – удивленно переспросил Сазонов. – Нина Петровна?

– Именно! – Марианна выразительно замолчала, и Сазонов невольно взглянул на Нину Петровну и прислушался к ее разговору.

– Нет, я тебя не обманываю! – говорила та, обращаясь к дочери. – Мне действительно лучше!

Нина Петровна замолчала, словно ей не хватило воздуха, прижала руку к груди и страдальчески поморщилась.

– Мама, тебе плохо? – забеспокоилась дочь. – Может быть, позвать врача?

– Да нет, говорю же тебе, мне гораздо лучше! Я могу хоть завтра вернуться в город... тебе ведь очень трудно без моей помощи! Как ты управляешься с детьми?

– Прекрасно управляюсь! – отмахнулась от нее дочь. – Если понадобится, я позвоню Инессе...

– И что с ней не так? – вполголоса спросил Сазонов.

– Неужели неясно? – Марианна захлопала глазами, как сова из мультфильма. – Никакая она не сердечница!

– Да что вы говорите? – Сазонов скептически взглянул на Марианну. – Не может быть... ну как же... одышка и прочее... опять же лекарства сердечные постоянно принимает... и вообще – это же кардиологический санаторий!

– Это все напояк! – прошипела Марианна. – Я проследила за ней. Когда ее никто не видел, она поднялась на четвертый этаж и даже не запыхалась! Да еще и напевала при этом!

– Напевала? – переспросил Сазонов, чтобы показать, что он слушает. – Что напевала?

– «Миллион алых роз» – представляете себе?

– Не представляю... – честно ответил Сазонов и снова посмотрел на Нину Петровну. Марианна что-то в него заронила, и ему теперь казалось, что в поведении женщины и правда есть что-то фальшивое, ненатуральное. Может быть, она и есть... объект? Да нет, ерунда! Такая тетка обычная, в возрасте уже...

– Вы скажете – а как же лекарства? – не унималась тем временем Марианна.

– Да, действительно... – Как раз в это время Нина Петровна вытряхнула на ладонь таблетку и забросила в рот.

– А вы видели, какого цвета у нее таблетки?

– Какого? – недоуменно переспросил Сазонов.

Марианна вытаращила круглые глаза, округлила рот и выдала страшным шепотом:

– Желтые!

– Ну, кажется, и правда желтые... – пробормотал Сазонов. – Ну и что с того?

– Как вы не понимаете! Вот вы принимаете сердечные лекарства – какого они цвета?

– Белые... – ответил Сазонов после недолгого размышления. Он понятия не имел, какой ответ правильный, и выдал тот, что показался ему наиболее вероятным. И кажется, угадал.

– Вот именно – белые! – прошипела Марианна. – Конечно, белые! Какие же еще?

– Но может, у нее какие-то другие?..

– Все сердечные таблетки белые! – безапелляционно проговорила Марианна.

– Вы уверены?

– Само собой! А желтые знаете какие?

– Понятия не имею.

– Так посмотрите! – Марианна вытащила из кармана прозрачный пузырек, до половины заполненный крупными желтыми пилюлями. – Похоже на ее лекарство?

– Очень похоже... – признал Сазонов. – Ну вот, видите... значит, желтые тоже бывают.

– Бывают, да только не те! – Марианна повернула пузырек другой стороной, так что Сазонову стало видно название – мультивитамины, и еще какие-то латинские буквы...

– Она насыпала витамины в пузырек от сердечного лекарства! – победным тоном прошептала Марианна.

– Ну и зачем все это? – недоуменно протянул Сазонов.

Он насторожился – ему в голову пришло вполне реальное объяснение. Хотя... нет, не похоже...

– А вы не понимаете? – Марианна снова округлила глаза и рот.

– Да где уж мне... – проворчал Сазонов.

– Да, действительно, – Марианна, похоже, не заметила в его голосе иронии, – вы – мужчина, вам такое трудно понять... она сюда приехала отдохнуть от домашней работы, от внуков, от семейных проблем... прямо сказать ей было неудобно, вот она и изображает сердечницу. А дочь ее еще и навещает – ну как же, бедная мамочка...

– Вы так думаете?

Сазонов больше не мог выносить непрерывную болтовню Марианны. Он взглянул на часы и ахнул:

– Ой, мне пора на процедуры... с вами, конечно, приятно поговорить, но все в этом мире кончается! – он поднялся из-за стола и быстро направился к выходу.

Марианна хотела вскочить и последовать за ним, но в это самое время Мила принесла ей креманку с мороженым. Марианна с сожалением взглянула вслед Сазонову, перевела взгляд на мороженое, вздохнула и осталась, решив, что синица в руке лучше любого журавля.

А Сазонов вышел на пляж и медленно пошел по нему.

Ветер стал еще сильнее. Чаек это, похоже, ничуть не беспокоило. Они плавали в воздухе, чуть пошевеливая крыльями. Вдруг одна из них резко устремилась вниз, к воде, чиркнула по поверхности и снова взмыла. В когтях у нее серебристо сверкнула рыбешка.

Выходит, эти чайки не просто плавают в воздухе – они охотятся.

Сазонов подумал, что и сам, как эти чайки, – с виду бездельничает, убивает время, а на самом деле следит за другими пациентами санатория, чтобы узнать того единственного, который...

Он вернулся к тому, что рассказала ему Марианна.

Нина Петровна – не тот человек, за кого себя выдает. Так, может, она и есть...

Нет, ерунда, этого не может быть. Марианна, заронив в него подозрения, сама же и выдала вполне логичное объяснение. Женщина устроилась в санаторий просто для того, чтобы вырваться из круга домашних дел и забот, передохнуть...

Нет, конечно, ее можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

Итак, его список становится все короче, и будем надеяться, что это приближает его к разгадке.

Сазонов подошел к дощатому сарайчику, в котором, надо думать, хранились шезлонги и нехитрые орудия для уборки пляжа. Сейчас на двери сарая висел большой замок, в такую холодину на пляже не было ни души. Даже ненормальная моржиха Инна Михайловна купается только один раз в день, утром. Сазонов прислонился к двери, чтобы укрыться от ветра, и стал думать.

Значит, он точно знает, что его объект приехал в санаторий только вчера. Вчера сюда приехали шестеро, трое мужчин и три женщины. Он-то больше к мужчинам приглядывался, для его дела мужчины как-то больше подходят.

Итак, двоих, Кисина и эту красотку Юлию, можно исключить, в данном случае Марианна права. Хотя у него, Сазонова, в голове не укладывается, что Юлия в этом типе нашла. Какой-то он неказистый, незаметный, кисляк в общем. Вот именно, фамилии своей соответствует.

Далее, Нину Петровну, пожалуй, тоже можно исключить, опять-таки Марианна его убеждала.

Остаются трое – двое мужчин и эта самая старуха, Инна Михайловна. Которую, разумеется, тоже можно исключить, поскольку бабка помешана на здоровом образе жизни, хочет прожить сто лет, а для этого истязает себя купаниями в ледяной воде и бегом по пересеченной местности. Опять же, мяса не ест, и даже чаю крепкого не пьет, как раз вчера на эту тему за ужином распиналась.

Итак, остаются двое подозреваемых мужского пола. Первый – Василий Керзун, на вид лет сорок пять, может, чуть больше, выглядит неважно – бледный, глаза бегают, за сердце часто хватается, вздрагивает от громких звуков. Может, и правда человек болен? А про второго Сазонов и не знает ничего. Видел вчера какого-то мужика, приехал он не на своей машине и не на автобусе, а на такси, оформлялся, когда все остальные на процедурах были. Надо бы на ресепшен посмотреть, кто такой, там ведь небось паспортные данные есть.

Ему не повезло, Лизавета сидела за стойкой. Тут же отиралась Марианна и тараторила что-то. Лизавета делала вид, что слушает, и даже кивала в нужных местах.

– Андрей Палыч! – высоким голосом закричала Марианна. – Вот мы с Лизаветой хотели у вас спросить...

Сазонов тут же перехватил взгляд Лизаветы, из которого явствовало, что она лично ничего от Сазонова не хочет, а хочет, чтобы все убралось с ресепшен, особенно Марианна.

– Чем могу помочь, девушки? – Сазонов изобразил приятную улыбку, но Марианна уже отвернулась от него и набросилась на проходившего мимо Кисина.

– Ой, Олежек, а куда это вы такой нарядный?

Кисин, стремившийся проскользнуть через холл как можно незаметнее, сделал вид, что не слышит, и убыстрил шаг. Лизавета тут же повернулась в его сторону и зашевелила длинным носом, став похожей на крысу.

– И куда это он так торопится? – задумчиво сказала Марианна. Лизавета сорвалась с места и побежала к выходу, Марианна устремила за ней с грацией молодого бегемота.

Компьютер был включен, Сазонов без труда нашел список поступивших вчера отдыхающих и переснял его на свой телефон, после чего отправился к себе.

Вот они, голубчики, все тут в количестве шести штук. Второго подозреваемого звали Евгений Потапов.

Сазонов набрал один номер и, когда там ответили, попросил проверить этих двоих по всем известным базам. Заодно и Кисина, на всякий пожарный случай.

Ответ пришел быстро. На Потапова на первый взгляд ничего особенного не было, а вот Василий Керзун оказался темной личностью. То есть не Василий Керзун, а тот, кто себя за него выдавал. Потому что Сазонову прислали однозначный ответ, что Керзун Василий Леонидович, такого-то года рождения, уже несколько месяцев находится за границей, работает там по контракту. И возвращаться в ближайшее время не собирается.

Стало быть, вот он, его объект, по чужим документам в санаторий приехал. Подозрительно, конечно, однако Сазонов представил себе этого Керзуна. Худой, бледный, щеки ввалились, вздрагивает все время, по сторонам оглядывается, голову в плечи втягивает – словом, ведет себя так, что любой заметит – совесть у него нечиста. Неподходящий, в общем, тип для важного и опасного дела, никакой человек в здравом уме его не наймет.

Сазонов подождал еще немного, и тогда пришел ответ на расширенный поиск. Там говорилось, что Василий Керзун уехал за границу с женой и ребенком, а здесь из родственников у него осталась мать и двоюродный брат, Николай Симаков.

Сазонов посмотрел на фотографию и узнал его. Значит, вот так. Взял паспорт своего двоюродного брата. Очень умно. То есть глупость несусветная. Что-то тут не то.

За ужином он выбрал столик поближе к Керзуну. Тот сидел один, никакие дамы к нему не клеились, видно, не считали подходящим для легкого флирта. Сазонов, хотя и не был дамой, был с ними в этом вопросе согласен.

Кормили в санатории хорошо, к ужину подавался десерт, и возле столика Сазонова возникла Марианна, держа в руках блюдечко с куском кекса. Сегодня на ней был такой же длинный бесформенный балахон, как всегда, но не болотного цвета, а густо-зеленого, такой краской был выкрашен забор перед КПП, когда Сазонов давным-давно служил в армии. В ушах Марианны висели серьги, напоминающие перекрученную колючую проволоку. Не спросив разрешения, она плюхнулась на соседний стул и как обычно начала болтать.

– Нина Петровна поссорилась с дочерью, та пошла к врачу, чтобы выговорить ему, что ее мать плохо лечат, а он рассердился и сказал, что ее мамаша ничем не больна. Так и сказал – хоть сегодня в космос посылай. Был жуткий скандал, путевку-то они покупали за полную стоимость... вы не слушаете, вам неинтересно?

– Ага, – честно ответил Сазонов, – про Нину Петровну мне неинтересно.

Марианна поерзала на стуле, доела кекс и отхлебнула чая из чашки Сазонова. Затем нагнулась, поправляя пряжку на туфле, и зацепилась серьгой за поношенный и мятый джемпер Василия Керзуна, который допивал чай за соседним столиком.

– Ой! – заверещала Марианна. – Что делать?

Керзун вздрогнул и завертел головой, отчего серьга еще больше запуталась. Тогда он был вынужден нагнуться и освободить этот кусок скрученной проволоки.

– Василий... – проворковала Марианна, – вас ведь Васей зовут? Слушайте, у вас брата нету? Знала я одного Керзуна... вроде бы вашего возраста... как же его звали-то... Ваня... Витя... Володя... помню, что на «В»... о, Вася! Точно, он Василий был, мы с ним... ой, так вы ведь тоже Василий?

– Это не я! – голос Керзуна, или кто он там на самом деле, сорвался почти на визг.

Он вскочил и побежал к выходу из столовой.

«Спугнула, дура такая!» – мысленно рявкнул Сазонов и пошел следом за Керзуном, стараясь идти не торопясь. Поужинал человек да и пошел себе прогуляться перед сном.

Керзуна он нашел на пляже, тот тряс дверь сарайчика, не замечая, что она заперта на всякий замок.

– Ну что, Николай? – спросил Сазонов, подойдя неслышно. – Раскрылся твой маскарад, так что живо признавайся во всем! Запираться бесполезно. Где она?

– Не... не знаю... – промямлил Николай дрожащим голосом, – я думал, это она вас послала...

– Кто? – насторожился Сазонов. – Кто она? Ты кого вообще имеешь в виду?

– Она, жена моя бывшая. И теща Ираида Вик... Вик...

– Да не икай ты, говори толком! – для убедительности Сазонов тряхнул этого рохлю как следует. И услышал следующее.

Николай Симаков был мужчина робкий и стеснительный, жил с мамой, женщиной властной, и привык во всем ей подчиняться. А потом мама умерла, и Николай несколько растерялся. Жил он теперь один в хорошей двухкомнатной квартире в центре. Потолки высокие, окна выходят на Фонтанку, как раз напротив цирка, так что летом даже слышно, как львы дрессированные рычат. Или тигры, кто их там разберет.

Короче, через несколько месяцев одинокой жизни Николай затосковал и оголодал, так что когда бывшая сослуживица познакомила его со своей подругой, он решился и сделал ей предложение, поскольку готовила подруга отлично и вообще поначалу проявила себя с самой положительной стороны.

Сазонов только вздохнул, зная уже, что было дальше.

Все было неплохо, пока не приехала из далекой провинции теща. Ей зять сразу не понравился, и она задумала от него избавиться. Но при разводе дочке бы ничего не обломилось, тогда теща решила его, Николая, посадить. А потом выписать из квартиры. В общем, пару раз она вызывала патруль, разорвав на себе халат и расцарапав лицо, потом отлупила дочь и свалила все на Николая. Его забрали и продержали в камере одну ночь, потом выпустили, потому что нашелся среди ментов приличный человек, который осмотрел руки Николая и тещи. У него-то руки чистые, а у тещи все в ссадинах, она голыми руками дочку и била. Тот мент сам был со своей тещей на ножах, оттого и помог.

Дело заводить не стали, жена заявление забрала. Но на Николая ночь в камере произвела такое неизгладимое впечатление, что он понял: второго раза просто не выдержит. А теща поклялась, что его посадит. Она, может, дочери родной не пожалеет, не баба, а терминатор.

В общем, он сбежал из собственной квартиры в чем есть и поселился у тетки. С работы пришлось уволиться, эти две ведьмы его и там нашли бы. Приходили они и к тетке, но не на ту напали, отбилась тетка, да еще сосед помог, бывший боксер, у него внешность впечатляющая. У тетки в беседе нашлась знакомая, она путевку в санаторий достала, вот он и поехал отсидеться.

– Что, так и будешь по чужому паспорту жить, от всех прятаться? – вздохнул Сазонов, понимая уже, что с этим Симаковым дохлый номер. Не его объект.

– Мне только до конца путевки, а потом с теткой в деревню поеду, у нее дом в Псковской области, там даль такая, никто не найдет. А в сентябре Василий вернется, у него адвокат знакомый есть...

«Ладно, – подумал Сазонов, – остался только Потапов».

После завтрака Сазонов следил за Потаповым. На первый взгляд ничего подозрительного Потапов не делал – прогулялся по пляжу, кинул камешек в сторону нахальных чаек, которые рвали друг у друга кусок тухлой рыбы, затем посмотрел на часы и пошел в сторону процедурного корпуса.

В холле никого из знакомых не было. Потапов свернул в коридор, ведущий к процедурным кабинетам. Сазонов выждал несколько секунд и последовал за ним. Но едва он зашел за угол, как на него налетела Инна Михайловна – та самая героическая старуха, которая не боялась входить в ледяную воду каждое утро.

На этот раз в ней не было ничего героического – лицо ее было покрыто красными пятнами, губы тряслись, в глазах плескалась паника.

– Пойдемте! – вскрикнула она, схватив Сазонова за руку. – Пойдемте со мной скорее!

– В чем дело? – Сазонов попытался вырвать руку, но Инна Михайловна вцепилась в него мертвой хваткой и тащила вниз, к полуоткрытой двери, за которой находилась сауна.

– Скорее! – лепетала она дрожащим голосом. – Кажется, он мертв... убит...

– Кто?! – переспросил Сазонов, хотя догадка у него уже мелькнула. Он перестал сопротивляться и бросился туда, куда волокла его перепуганная женщина.

В голове билась отчаянная мысль – он не уследил за Потаповым, того убили, и теперь операция сорвана...

– Он здесь... – бормотала Инна Михайловна, подталкивая Сазонова к двери. – Может быть, ему еще можно помочь... надо проверить пульс... я не решилась...

Сазонов подумал, что Инна Михайловна производит впечатление решительной женщины, не склонной к панике – но внешность бывает обманчивой. Они вошли в сауну. Внутри никого не было. Сазонов увидел несколько кабинок, одна из них была открыта, за дверью виднелась какая-то бесформенная груда.

– Здесь, здесь! – повторила Инна Михайловна.

Сазонов вошел в кабинку, наклонился. На деревянном полу действительно лежала какая-то груда, прикрытая махровым халатом. Сазонов сдернул этот халат, увидел под ним несколько смятых полотенец и в недоумении повернулся к женщине:

– Что за ерунда? Зачем вы меня сюда привели?

И успел увидеть ее лицо, на котором не было и тени паники – только холодное расчетливое торжество, а в следующую долю секунды она захлопнула дверь кабинки.

– Вы с ума сошли! – выкрикнул Сазонов, дернув дверь на себя. – Откройте сейчас же! За дверью не было слышно ни звука.

Сазонов понял, что его провели, обставили, обвели вокруг пальца, как последнего лоха. Выходит, зря он подозревал Потапова, зря подозревал всех остальных – это Инна Михайловна, железная старуха, была тем самым объектом... и теперь она вывела его из игры...

Он бессильно застонал, подергал чертову дверь – но она даже не шелохнулась.

Звать на помощь?

Но это будет выглядеть глупо, нелепо, смешно... в конце концов, непрофессионально...

А, черт с ним! До того ли сейчас?

Сазонов принялся колотить в дверь кулаками, заорал что было мочи:

– Есть тут кто-нибудь? Откройте! Выпустите меня!

Но никто ему не открыл, никто не ответил. Единственным очевидным результатом его усилий было то, что по лицу и по шее обильно заструился пот.

Сазонов сбросил пиджак, расстегнул верхние пуговицы рубашки – но это не помогло, ему становилось жарче и жарче.

И тут он взглянул на градусник.

Чертов прибор показывал пятьдесят градусов. Еще бы ему не было жарко! Ну да, это же сауна...

Сазонов стянул рубашку, прилипавшую к телу, еще несколько раз ударил по двери и снова взглянул на градусник...

На нем было уже пятьдесят семь. И ртуть ползла все выше и выше. Медленно и неуклонно.

И тут до него дошла ужасная правда.

Подлая старуха не просто заперла его здесь – она еще включила сауну, чтобы изжарить его заживо...

Господи, это же надо так влипнуть!

Так, главное – не паниковать... в критической ситуации нет ничего хуже и опаснее паники.

В конце концов, это сауна, а не крематорий. В прежние времена Сазонов и сам любил попариться и доводил температуру в сауне до ста градусов, а то и больше...

Да, но при такой температуре он находился недолго, и он был спокоен. А тут дверь заперта, и ему придется провести здесь неизвестно сколько времени.

Сазонов не хотел смотреть на градусник – но глаза сами скользнули влево.

Шестьдесят четыре. И ртуть быстро ползет вверх.

Самое главное – успокоиться. Взять себя в руки. И опуститься как можно ниже – самый горячий воздух под потолком.

Сазонов сел на пол, скрестив ноги, как заправский йог, и стараясь дышать медленно и глубоко. Взгляд без разрешения, сам собой скользнул к градуснику.

Семьдесят два.

Без паники. Только без паники. Сюда непременно кто-нибудь зайдет... зайдет и выпустит его...

Да, но для этого нужно, чтобы его услышали.

Сазонов снова крикнул:

– Эй, кто-нибудь! Выпустите меня!

Собственный голос показался ему слабым, измученным, едва слышным.

Затравленный взгляд на градусник.

Восемьдесят четыре.

Дышать становилось все труднее, перед глазами заплясали цветные пятна, потом в глазах начало темнеть.

– Помогите!

Девяносто.

Сазонов лег на пол. Внизу воздух должен быть прохладнее – но он этого не почувствовал. Зато в голове мелькнула паническая мысль, что лежа он быстрее потеряет сознание, а тогда...

Было в его теперешнем положении и одно преимущество: снизу он не видел цифры на градуснике.

Нет, сдаваться нельзя. Он попытался снова сесть, но сил не было даже на это.

И тут за дверью послышался какой-то тихий, неуверенный, скребущийся звук.

Сазонов не поверил в него, подумал, что от жары и удушья начались галлюцинации. Но звук повторился, а потом раздался негромкий, неуверенный голос:

– Вы тут?

– Тут, тут! – прохрипел Сазонов, приподнимаясь из последних сил.

– Черт, никак не открыть... еще секундочку... ну, кажется, получилось...

Дверь кабинки распахнулась, и в легкие Сазонова хлынул свежий, благодатный, прохладный воздух. Он пополз навстречу этому воздуху, увидел перед собой женские ноги. Ноги были красивые. Затем над ним склонилось озабоченное лицо с круглыми глазами, и озабоченный голос проговорил:

– Ну, как вы?

Жизнь понемногу возвращалась к Сазонову. Он начал воспринимать окружающий мир во всей его полноте – и первым делом осознал, что лежит на кафельном полу, а над ним стоит, склонившись, Марианна. Та самая навязчивая, вездесущая, невыносимая Марианна, которая не давала ему прохода.

Сейчас он был этому несказанно рад, он готов был целовать Марианне ноги... которые, кстати, весьма и весьма ничего... он посмотрел, чтобы убедиться, но ноги были прикрыты длинным халатом. Наверно, ему показалось насчет ног. Надо же, целовать...

Эта нелепая идея окончательно отрезвила Сазонова. Он встал, покачиваясь, и сверху вниз взглянул на свою спасительницу.

– Только не спрашивайте, как я здесь оказался! – проговорил Сазонов, утирая пот рукавом ее халата.

– А я и не собираюсь, – ответила Марианна. – Я и так знаю.

– Знаете? – удивленно переспросил Сазонов.

После перенесенного стресса он соображал еще плоховато, но все же это не укладывалось у него в голове...

– Потом, потом! – отмахнулась Марианна. – Сейчас некогда, сейчас у нас очень срочное дело...

– Срочное дело? – переспросил Сазонов, все еще медленно соображая.

– Ну да, это же старуха вас заперла! Ну, эта... которая купается. Инна Михайловна.

– Ну да...

– Значит, ей именно сейчас нужно было вас изолировать. Значит, наступил тот самый момент...

– Тот самый момент? – снова переспросил Сазонов. – Что вы об этом знаете? Да кто вы вообще такая?

– Некогда, некогда! – отмахнулась от него Марианна. – Нужно перехватить старуху, пока не поздно... вы вообще как себя чувствуете? Можете работать?

– Нормально я себя чувствую! – проворчал Сазонов. – Но вот вы... откуда вы знаете?

– Ну так не будем терять время!

И Марианна бросилась на улицу, прочь из процедурного корпуса. Сазонову ничего не осталось, как последовать за ней.

До жилого корпуса они не успели дойти – Инна Михайловна величественно шествовала к морю в своем неизменном темно-красном купальном халате.

Сазонов подскочил к ней слева, Марианна – справа.

– Купаться идете? – проговорил Сазонов вполголоса.

– Вы? – Инна Михайловна взглянула на него удивленно, в ее глазах промелькнул испуг, но она тут же взяла себя в руки.

– Да, я, – усмехнулся Сазонов. – А что – картина называется «Не ждали»? Думали, что я уже сварился?

– Не понимаю, о чем это вы! – фыркнула Инна Михайловна и попыталась обойти Сазонова. Он деликатно, но сильно взял ее за локоть.

– Что вы себе позволяете? – старуха повысила голос. – С виду – такой приличный молодой человек!

– Я и был приличный, пока вы меня не заперли в сауне и не попытались сварить заживо. После этого я очень изменился. Можно сказать, стал другим человеком.

– Я вас заперла? Что вы говорите? Наверное, это получилось случайно. Я готова принести вам свои извинения. А сейчас отпустите меня! Отпустите немедленно!

– Что – вода остывает? – усмехнулся Сазонов. – Вы же обычно купаетесь по утрам до завтрака? На полный желудок вредно, сами говорили!

– Вам-то какое дело!

– Вы тоже с виду такая приличная пожилая дама, а на самом деле...

– Да что вам от меня нужно?

– Поговорить. Но разговор у нас будет долгий и очень серьезный, так что лучше пройдем в ваш номер, чтобы не привлекать лишнее внимание.

– Не хочу с вами ни о чем разговаривать!

– А придется! – и Сазонов потянул женщину к жилому корпусу.

Инна Михайловна повернулась к Марианне и жалобно проговорила:

– Девушка, но вы-то...

– Молчать! – рявкнула на нее Марианна. – Это он такой мягкий, а со мной шутки плохи!

Инна Михайловна понурилась и послушно поплелась между двумя сопровождающими. Они вошли в корпус, поднялись на второй этаж, вошли в номер.

– Ну, и что теперь? – проговорила Инна Михайловна, когда Сазонов закрыл дверь ее номера.

– А теперь все зависит от вас! – отчеканил Сазонов. – Либо вы все нам рассказываете...

– И отдаете Будду! – выпалила Марианна.

Сазонов покосился на нее.

Ну откуда она все знает? Кто она вообще такая? Ладно, сейчас не время разбираться...

– Ничего не знаю! – отрезала Инна Михайловна.

– Не знаете? – процедил Сазонов, сверля ее взглядом.

– Вы его заперли в сауне... – начала Марианна.

– Случайно! – перебила ее старуха. – В моем возрасте трудно контролировать свои действия!

– Дайте же мне договорить! – повысила голос Марианна. – Вы его заперли не просто так. Значит, вам именно сейчас нужно было его обезвредить. Значит, именно сегодня, именно сейчас должен приехать покупатель.

– Какой еще покупатель? – в голосе Инны Михайловны прозвучал испуг.

– Покупатель, для которого вы украли из музея Золотого Будду! – отчеканил Сазонов, сверля старуху взглядом. – Маленькую, но бесценную индийскую статуэтку эпохи Великих Моголов!

– Не знаю, о чем вы говорите!

– Очень даже знаете!

– Откуда?

– Статуэтка украдена две недели назад. А неделю назад нам удалось перехватить электронное письмо, отправленное с неизвестного адреса крупному французскому торговцу антиквариатом, о котором поговаривают, что он нередко переступает черту закона. Отправитель письма предлагал торговцу приехать, чтобы купить Золотого Будду. К письму была приложена фотография статуэтки на фоне свежей газеты, подтверждающая, что Будда находится у отправителя письма. Вычислить отправителя мы не смогли, но из письма узнали, что встреча состоится здесь, в этом санатории на берегу Финского залива. И вот я поселился здесь, чтобы помешать сделке и перехватить статуэтку...

– Да кто вы такой? Полицейский?

– Я не полицейский. Я – детектив страховой компании, которая застраховала эту статуэтку. Поэтому я – ваша последняя надежда. Если вы добровольно отдадите мне статуэтку – я, может быть, дам вам час времени, и только после этого вызову полицию.

– За кого вы меня принимаете? – фыркнула женщина. – Чтобы я своими руками... ищите свою статуэтку! – она обвела комнату взглядом. – Найдете – тогда у нас будет предмет для разговора, а иначе... уберите из моего номера, или я позову администрацию!

– Не позовете! – подала голос Марианна. – Не посмеете! Ну что – обобщем номер?

– Это ничего не даст... – протянул Сазонов. – Она слишком в себе уверена... статуэтка не здесь...

Инна Михайловна выглянула в окно. Лицо ее напряглось. Сазонов проследил за ее взглядом и увидел подъехавшую к санаторию солидную черную машину.

– Ага... – протянул он, – покупатель пожаловал!

Он переглянулся с Марианной. Та прищурилась и проговорила:

– У меня возникло срочное дело. Я вас покину буквально на минуту. Вы здесь пока не скучайте!

Она выскочила в коридор, спустилась по лестнице и подошла к стойке ресепшен. Перед стойкой стоял высокий седовласый господин. С едва заметным акцентом он обращался к Лизавете:

– Я хотел бы найти госпожу Горностаеву...

– Инну Михайловну? – угодливо прощепетала Лизавета и тут увидела Марианну. – Марианночка, вы всегда все знаете. Где у нас Инна Михайловна, не видели?

– Инна Михайловна? – Марианна округлила глаза. – Как, разве вы не в курсе? Приступ у нее сердечный! Лежит, лежит у себя в номере. Лекарства уже приняла, пока не помогло, врача ждем, а если что – «Скорую» вызовем...

– Как? Приступ? – всполошилась Лизавета.

Она повернулась к седовласому господину, но того уже и след простыл. Из-за двери донеслось негромкое фырканье отъезжающей машины.

Марианна переглянулась с Лизаветой и устремила обратно в номер Инны Михайловны.

– Ну что, – проговорил, увидев ее, Сазонов, – покупатель уехал... вон его машина выезжает с парковки!

– И чего вы теперь от меня хотите? – процедила Инна Михайловна.

– Отдайте статуэтку – и я вам дам час времени...

– А иначе – что? Вам мне нечего предъявить!

– А попытка убийства? – напомнила Марианна.

– Ой, не смешите меня! Какая попытка? Я – человек пожилой, не всегда отдаю себе отчет в своих действиях... иногда что-нибудь скажу или сделаю, а потом пытаюсь понять, что мной руководило... увидела незапертую дверь – и заперла... Все-таки возраст дает о себе знать...

– Ага, возраст! – усмехнулся Сазонов. – Трудно поверить! Здоровье бережете, на диете сидите, от инфаркта бегаετε, по утрам в ледяной воде купаетесь! Вы – железная женщина!

Тут у него в глазах вспыхнула свежая мысль. Он взглянул на Инну Михайловну.

– Не зря вы каждое утро купались – а сегодня отправились к морю в другое время, как раз перед приходом покупателя! Марианна, постереги ее полчаса! Глаз с нее не спускай!

– Уж как-нибудь... – обиделась Марианна, но Сазонова уже и след простыл.

Он подошел к краю пляжа в том самом месте, где обычно купалась Инна Михайловна, бросил на песок полотенце, разделся и шагнул в воду. Ноги обожгло, как будто он вошел в кипяток. Он закусил губу и решительно пошел вперед.

У берега вода была мелкая, и он шел довольно бодро, но потом стало чуть глубже, и от ледяной воды перехватило дыхание. Ноги начали неметь. Сазонов шел, глядя себе под ноги, и с каждым шагом надежда на успех уменьшалась. Если Инна Михайловна спрятала статуэтку в воде – черта с два он ее найдет. Придется вызывать подмогу, перелопачивать дно у берега, это привлечет внимание посторонних... ох, как нехорошо!

С другой стороны, она должна была спрятать статуэтку так, чтобы ей самой легко было ее найти. Значит, должна быть какая-то примета... а может, он вообще ошибается, и статуэтки здесь нет?

Вода стала еще глубже. Ноги ломило от холода. И тут Сазонов увидел впереди выступающий из воды камень.

Сазонов огляделся. Этот камень был единственным приметным предметом, выступающим над поверхностью воды. Не случайно именно здесь каждое утро купалась Инна Михайловна. Наверняка первый раз она спрятала здесь Будду, а потом купалась просто так, чтобы все к этому привыкли и не обратили внимания, когда она пойдет сюда сегодня, чтобы забрать статуэтку.

Все это выглядело вполне логично, но Сазонов все равно волновался, когда подошел к камню, наклонился и начал обшаривать его со всех сторон. Зато от волнения он перестал чувствовать холод.

Он обшарил камень, запустил руки под него – и наконец нащупал в углублении под камнем какой-то небольшой твердый предмет. Вытащил его и увидел продолговатый сверток в непромокаемой обертке. Сверток был увесистый.

Сазонову очень хотелось тут же развернуть его и проверить, но он покосился на берег, на корпус санатория – и представил, сколько глаз за ним сейчас наблюдает. Поэтому он не стал разворачивать свою находку и быстро пошлепал к берегу.

Теперь он почувствовал, как промерз. Выйдя на берег, наскоро растерся полотенцем, завернул в это же полотенце свою находку и припустил к жилому корпусу.

Сперва он бросился в свой номер, чтобы согреться и переодеться. Открыл дверь карточкой, шагнул внутрь... и попятился.

Возле окна спиной ко входу стоял широкоплечий, немного сутулый мужчина. В его облике что-то показалось Сазонову знакомым. Мужчина повернулся, и Сазонов облегченно вздохнул: он узнал своего шефа, Михаила Сергеевича, или просто Сергеича, как они называли его между собой.

– Это вы! – облегченно выдохнул Сазонов.

– А ты кого ждал? – усмехнулся шеф. – Ну что – нашел?

– Вот он – Золотой Будда! – Сазонов развернул полотенце и поставил на стол золотую статуэтку.

И только сейчас разглядел ее.

То есть он, конечно, видел многочисленные фотографии, но никакие фотографии не передавали исходящее от статуэтки чувство покоя и умиротворения. Что уж говорить – чувство величия. Сазонову, кажется, даже стало теплее.

– Вот он какой! – повторил Сазонов с новым чувством.

– Молодец! – ответил шеф и ласково погладил статуэтку, как будто к ней и относилась его похвала, но тут же уточнил: – Не подвел, Сазонов! Ну, я в тебе и не сомневался!

– Извините, Михаил Сергеевич, я в ванную ненадолго... – Сазонов снова почувствовал холод, проникший в каждую клетку тела. – Замерз, как собака...

– Иди, конечно иди!

Сазонов встал под струи душа и выкрутил горячую воду на максимум, пока возможно было терпеть. Холод ушел из тела, но он еще какое-то время стоял под душем. Наконец вспомнил, что шеф не любит ждать, растерся полотенцем, накинул халат и вышел из ванной.

Шеф сидел в кресле.

– А что со старухой? – спросил Сазонов, вытирая волосы.

– А что с ней? – переспросил шеф. – Мне главное – статуэтку вернуть, чтобы у компании не было неприятностей. А со старухой пускай полиция разбирается. Ей вроде плохо, сердце прихватило...

– Не верьте ей! Она такая артистка – мама не горюй!

– Ну, тем более – пускай полиция с ней возится, а может, и вообще не нужно ничего, там, в музее сказали – им шум ни к чему.

Тут Сазонов заметил, что, пока он был в ванной, в номере появилась какая-то девица. Она сидела тихо и смотрела в окно.

– Ну, Сазонов, ну герой! – преувеличенно громко восхищался шеф. – Ну, в воде не горишь и в огне не тонешь! То есть тьфу! – шеф махнул рукой и рассмеялся. – Ну, не подвел, ну как всегда не подвел, не зря мы в тебя верили...

Сазонов слегка напрягся, все в их компании знали, что если шеф начинает употреблять в разговоре местоимение «мы» вместо обычного «я», значит, рыльце у него в пушку, и он задумал какой-то подвох.

Сазонов выпрямился и уставился на шефа, сложив руки на груди.

– Ну ладно-ладно, – шеф примирительно улыбнулся, – ну, знаю твои условия, знаю, что ты всегда работаешь только один, без напарников. Ну тут такое дело, ценность-то какая! Можно сказать, судьба компании на кону. Если что не так пошло бы – нам вовек не расплатиться! А тут ты со своим гонором. Ну мы и решили подстраховать тебя, вон познакомься, новый сотрудник у нас, Скворцова Марианна. Пока на испытательном сроке была, но теперь уж точно в штат возьмем...

– Марианна? – Сазонов обалдело развел руками и еле успел подхватить развязавшийся нехстати пояс халата. Девушка отвернулась от окна и встала. Куда подевалась коренастая фигура и явно лишний вес, где свиные глаза и фи́га на затылке?

Волосы были длинные, свободно спускавшиеся на половину спины. Поймав его взгляд, она чуть заметно усмехнулась, склонила голову набок, вытаращила глаза и округлила рот.

– Она? – довольно засмеялся шеф. – Вот какие кадры! Ладно, ребята, вы уж тут разбирайтесь, отношения выясняйте, а я поеду. Дай господи эту штуку до музея донести, да и с плеч долой!

Дверь закрылась, и Сазонов почувствовал, что краснеет. Стоит тут под ее насмешливым взглядом в халате, как полный дурак.

– Вы молодец, – выдавил он наконец из себя, – очень мне помогли.

– Но я никогда не догадалась бы, что она спрятала статуэтку в море! – вздохнула Марианна.

«Нарочно льстит», – тут же понял Сазонов, но отчего-то стало приятно.

– Ну что, собираемся и едем отсюда! – сказал он. – Осточертел этот санаторий мне, а вам?

– Да уж... – согласилась она, – но... Андрей Палыч, не сочтите меня навязчивой, но мне бы очень хотелось и дальше работать с вами...

«Да ни за что!» – подумал Сазонов, но поглядел ей в глаза и сказал:

– Там посмотрим...

Елена Неволина Думай о море

Вода стремительно прибывала. Воздуха под потолком пещеры оставалось все меньше. Она уже понимала, что не выберется из этой западни, но тело, желавшее жить во что бы то ни стало, еще сопротивлялось.

Снаружи не доносилось ни звука, или она уже потеряла способность слышать, а в ушах стоял только непрерывный гул моря.

Еще несколько судорожных вздохов, еще несколько тщетных попыток выбраться. Руки в кровь разбиты о скалы, мысли путаются...

И вот вода уже накрывает ее с головой, огнем разрывая легкие. Она уже не знает, где верх, где низ, и только видит неподалеку одутловатое мертвое лицо. Волосы утопленницы медленно колышутся в воде, руки простерты вперед в приглашающем в объятия жесте, а губы что-то произносят.

«Ты пришла! Я так долго тебя ждала!» – слышится голос непосредственно в ее голове.

Кира резко села в постели. Воздух обжигал легкие, а от боли на глазах показались слезы. Что же это такое?! Неужели старый кошмар никогда не закончится?

Пульс судорожно бился в висках, а дышать удавалось с трудом.

Наконец она отдышалась и, упав обратно на подушку, устала в смутно белеющий в темноте потолок.

– Я не виновата, – пробормотала Кира, не стирая со щек влагу и чувствуя в уголках губ жжение (слезы? Или, быть может, морская вода?). – Я ничего не могла сделать. Я не виновата.

Она повторяла себе это бесчисленное количество раз, но толку так и не было. А в ушах до сих пор звенел напряженный голос Стаса, кинувшего ей в лицо: «Убийца!»

Это слово раскаленным клеймом обожгло лоб. С тех пор Кира жила под его непомерным грузом. Вот уже одиннадцать лет. Без всякой надежды на исцеление.

«Ты не виновата», – говорили ей родители.

«Ты не виновата», – повторяла она себе бессонными ночами.

Но все же она не могла избавиться от клейма, а сны, в которых появлялась мертвая Соня, оставались такими же яркими, как и в двенадцать лет, в то время, когда все только-только случилось.

Не помогло ничего – ни таблетки, ни беседы с психологами, ни посещения церкви. Иногда кошмары отступали, но неизменно возвращались каждое полнолуние. Год за годом.

Но сегодня кое-что изменилось. Впервые за последние одиннадцать лет она проснулась не дома, в своей крохотной комнатке, где помещались только узкая кровать, одежный шкаф и письменный стол. Впервые за одиннадцать лет она вернулась в тот самый город у моря. Город, неизменно являвшийся в кошмарах.

Шлепая босыми ногами, Кира, прямо в ночной сорочке, вышла на балкон. В темноте не было видно море, однако девушка чувствовала его присутствие – тяжелое сонное дыхание, похожее на дыхание крупного опасного зверя, горько-солончатый запах и, главное, почти физически ощутимое ожидание. Точно так же хищник поджидает в засаде жертву, обманчиво спокойный, будто медлительный, но готовый в любой миг к отчаянному прыжку. И тогда – никакой возможности спастись.

Поежившись, Кира ушла с балкона. Возможно, она ошиблась и угодила в западню, однако это лучше того страшного ожидания, которое изводило ее все эти годы, осушив до глубины души, не оставив ни надежды, ни сожалений.

Очередного психотерапевта порекомендовали случайные знакомые родителей.

Кире, если честно, было все равно: проку от новых сеансов она не ждала, но оказалось легче пойти, чем выслушивать бесконечные уговоры матери.

– Тебе придется взглянуть в лицо своему страху, – сказала симпатичная девушка с длинными темными волосами, похожая на кого угодно, только не на врача. – У меня есть знакомый, он как раз примерно из тех мест и должен отправиться на родину на следующей неделе. Поедешь с ним.

– Я не могу, – Кира пожала плечами.

Уж лучше бы, как обычно, предложили таблетки.

– Ураган проследит, чтобы все было в порядке.

– Кто? – Кира даже слегка удивилась.

– Вообще-то его зовут Алексей. Алексей Ветров, но друзья называют его Ураган. Так что пакуй чемодан, Кира. Пришло время что-то менять.

Кира и сама не понимала, как и зачем дала согласие, и вот теперь очутилась в этом номере с беленым потолком, выкрашенными голубой краской стенами и морским пейзажем над кроватью. Пейзаж, кстати, девушка сразу же повернула обратной стороной – она терпеть не могла такие картинки.

За окном уже начинался рассвет, слышался гомон птиц, наконец заглушивший ненавистное дыхание моря.

– Не спишь? – в дверь осторожно постучали.

Кира быстро влезла в широкую футболку, выглядевшую на невысокой щуплой девушке практически полноценным платьем, и осторожно приоткрыла дверь.

Ее попутчик казался совершенно бодрым и, похоже, имел отвратительную привычку вставать с первыми лучами солнца.

– Услышал в твоей комнате шаги и решил заглянуть. Раз уж ты проснулась, давай немного прогуляемся, осмотримся, – сказал он, разглядывая ее, как показалось Кире, с насмешкой.

Девушка вздохнула. Глупая идея. Тысячу раз глупая. Как вообще можно было согласиться на такое?!

– Алексей, – она кашлянула, – я понимаю, у вас есть собственные дела. Совсем не нужно со мной нянчиться. Все хорошо. Не знаю, что вам наговорила Лидия...

– Все хорошо? – он посмотрел на нее в упор, словно сканируя. – Именно поэтому ты кричишь во сне? Знаешь, тут тонкие стены...

Кира с неудовольствием почувствовала, что краснеет. Зачем этот незнакомый, лишенный даже зачатков деликатности человек вмешался в ее жизнь? Зачем она это позволила? Авантюры – это не ее. Хватит!

– Если оставить тебя в покое, ты так и просидишь в гостинице до отъезда, даже нос за дверь не высунешь, – продолжал он.

– Пусть так. А вам-то что? – не выдержала Кира. – Что вам за радость быть моей нянькой?

– Даже если я отвечу, ты не поймешь. Кстати, мы ведь на «ты», не помнишь? – Ураган хмыкнул. – Ты сейчас укрылась в своей раковине, жалеешь себя и тебе безразлично все, что происходит на поверхности. Может, всплывешь, хоть из любопытства? Не всю же жизнь на дне моря сидеть.

От его сравнений Киру заметно передернуло.

– Вот и отлично! – он широко улыбнулся. – Жду внизу через десять минут. Не придешь, поднимаюсь за тобой.

И он, насвистывая незнакомую мелодию, двинулся прочь по коридору.

Не оставалось ничего иного, как умыться, натянуть на себя тонкие летние джинсы, все ту же безразмерную футболку и выйти из номера. За все это время Кира даже не посмотрела на себя в зеркало – зеркала она тоже ненавидела, а ведь когда ей было двенадцать, могла

часами разглядывать свое отражение, пытаясь соорудить замысловатые прически из длинных пепельно-русых волос и сердясь на то, что это не прибавляет ни единого года. Даже ярко-алая мамина помада только подчеркивала еще детскую припухлость лица и наивные глаза.

Тогда она тоже была здесь гостьей, а главной красавицей считалась Соня.

Соне в то время едва исполнилось двенадцать, но выглядела она значительно старше – гибкая, с уже наметившейся фигурой, дочерна загорелая и отчаянно-смелая. Как Кире хотелось быть хоть немного похожей на Соно, так же прыгать с самой верхней площадки вышки в воду, умудряясь совершить при этом немислимый кульбит, так же весело смеяться в окружении мальчишек, собирать целую ватагу и вести за собой то на вылазку в дальний полузаброшенный парк, то на дикий пляж.

Среди мальчишек был и Стас – высокий, очень симпатичный. Кира не хотела на него смотреть, но как-то так получалось, что он постоянно попадал в ее поле зрения. Только он мог соперничать с Соней в прыжках с вышки, только он всегда оказывался рядом с ней...

Тогда Кира и не надеялась на Сонину дружбу. Но однажды чудо свершилось – загорелая королева поманила к себе самую невзрачную из своих подданных, отличавшуюся от остальных даже слишком бледным цветом кожи, и заговорщицки шепнула: «Ты умеешь хранить секреты?»

– Ровно девять минут и сорок три секунды. Просто королевская точность, – Ветров помахал рукой у нее перед лицом. – Кира, ты здесь?

– Да, – девушка вздрогнула, отгоняя обрывки воспоминаний.

Зря она приехала сюда, зря. Недоставало еще, чтобы кошмары мучили ее наяву.

– Пойдем прогуляемся, покажешь мне все. Я родился неподалеку отсюда, но никогда не был в этом городе. Здесь есть хорошее кафе? – спросил он, открывая для нее стеклянную дверь, ведущую наружу.

– Я не знаю. Я не была здесь одиннадцать лет, – ответила Кира механически.

– Ну, не беда – разведем. Насколько представляю себе, главное здесь – набережная. Ты не против, если мы начнем прогулку с нее?

Кира была против. Очень даже против, но Ветров и не собирался ее слушать.

– Когда мне было десять, я мечтал отыскать сокровище, – рассказывал он. – Мы даже организовали целый клуб. Придумали тайный символ и собственный алфавит, с помощью которого можно вести секретную переписку, обшарили весь город, забравшись даже в старые, заколоченные дома. Клада не обнаружилось, зато обнаружилось кое-что другое, изменившее мою жизнь. Я расскажу тебе потом, если будет интересно.

Кира пожала плечами. Ее собственная жизнь изменилась в двенадцать лет, и с тех пор девушку и вправду мало волновало то, что происходит во внешнем мире.

– А вот и набережная. Тут красиво. Смотри, уже купаются!

Кира бросила взгляд в сторону пляжа и поспешно отвернулась. Та самая бухта лежала вдали отсюда, но даже смотреть на море было неприятно.

– А где аттракционы? – спросил тем временем Ветров.

– Там, – Кира равнодушно кивнула вперед. – В конце парка. Автодром, тир и чертово колесо.

– Ты гоняла на машинках?

– Я... – Кира вспомнила, как изо всех сил пыталась показаться храброй, а сама отчаянно боялась всякий раз, когда в ее машинку со смехом въезжала другая.

«Если научишься ездить здесь, тебе дадут настоящие водительские права», – сказала тогда Соня, убедительно выдавая собственную придумку за правду... Это было целую вечность назад.

– Я не люблю машины. Я не езжу на них.

Они прошли по набережной, еще почти пустой в это время. Навстречу попала целая группа бегунов. Были ли бегуны в то время? Кажется, это мода последних лет.

Кира тряхнула головой, разгоняя непрошенные мысли, словно приставучих наглых рыбок, которые так и лепятся к ногам, стоит войти в пресную воду после соленой.

– Может, расскажешь, что случилось? Ты ведь не раз рассказывала эту историю? – спросил Ветров, покосившись на спутницу.

Рассказывала – уж точно. Кире казалось – бесчисленное количество раз. Ей говорили, что это принесет облегчение. Обманули, самым жестоким образом обманули.

И все же она начала рассказ, произнося выверенные слова сухо, словно бросая в алюминиевый таз пригоршню гороха. А перед глазами вставали картинки, описывать которые она и не собиралась. Должно быть, их материализовал местный воздух, наполненный солью моря. Говорят, соль – лучший консервант. И вправду, несмотря на годы, она видела все, будто наяву.

В этот город они приехали на лето почти случайно, просто услышали про хороший пляж и недорогое жилье. Кире тогда едва исполнилось двенадцать, и впервые выйдя на прогулку одна, она больше всего на свете мечтала найти друзей, но стеснялась подходить первой. К тому же ее кожа сразу выдавала городскую жительницу и была просто неприлично белой на фоне загорелых дочерна местных.

Еще раньше, гуляя по набережной с родителями, Кира заметила группу ребят и девочек, играющих в волейбол, примерно ее ровесников. Среди ребят выделялся высокий и красивый, темноволосый и темноглазый парень. Она даже услышала его имя – Стас. Стас был самым ловким из всех и, конечно, самым выгодным образом отличался от Кириных одноклассников. Среди девочек местной королевой, как решила Кира, была хорошенькая брюнетка в розовых коротеньких шортиках и белом укороченном топе. Несмотря на невысокий рост и кажущуюся хрупкость, она ловко отбивала мяч и весело смеялась.

Поэтому и оказавшись, наконец, одна, Кира направилась к волейбольной площадке. Вдруг как-нибудь удастся познакомиться. Солнце светило так яростно, что слепили глаза, а на набережной пахло морем... Вчерашних ребят не было, и от этого из груди поднялось горькое чувство разочарования. Девочка дошла до моря и, взяв босоножки в руки, вошла в воду. Тут же в ногу ткнулось что-то противное, вязкое, и Кира с криком отскочила.

– Боишься? – послышался рядом голос. – Наши медузы безопасные, от них никакого вреда. А вот в Таиланде, знаешь, как жгутся! Они там и убить могут.

Кира медленно оглянулась. Перед ней стояла местная королева собственной персоной.

– Я – Соня. А ты? – спросила она, улыбнувшись, и Кира удивилась, какие ярко-синие, морские глаза у ее новой знакомой.

Соня отчего-то сразу приняла новенькую в свою компанию. В тот же день Кира перезнакомилась со всеми, даже с красавчиком Стасом, а вечером они все вместе купались. Правда, в отличие от остальных, плавала Кира очень плохо, зато Соня и Стас выделялись и здесь. Казалось, они родились в воде – оба безбоязненно заплывали за буйки, ныряли и прыгали с самой верхней площадки вышки, где даже стоять, глядя на расстилающуюся внизу синюю бездну, было страшно.

Соня оказалась самой богатой девочкой в своей компании, а возможно, как думала Кира, и во всем городе. Ее отец занимал солидное положение, и вечером девочку увезли на красивой белой машине, словно ворвавшейся сюда напрямик с экранов телевизоров.

– Ты богатая? – спросила, не удержавшись, Кира.

– Ничего хорошего, – Соня скривилась. – Мой папа вечно в отъездах, дома и не бывает. Зато мачеха... – девочка махнула рукой. – Ну ничего, совсем скоро я от нее отделаюсь! – и она хитро посмотрела на Киру. – Есть один секрет, но тебе его еще рано знать.

Конечно, Кира была заинтригована, но не стала спрашивать, тем более, что у машины стояли двое амбалов, поджидающих свою маленькую пассажирку.

На следующий день ребята снова собрались все вместе, а потом еще и еще... Неделя пролетела незаметно. Единственное, что омрачало радость Киры – это то, что Стас даже не замечал ее и смотрел только на Соню. С другой стороны, кто она и кто Соня, что уж там говорить!

А Соня, напротив, благоволила к Кире. Как-то после обеда она отвела ее на дикий пляж.

– Ты умеешь хранить секреты? – шепотом спросила девочка. – Недалеко есть тайное место, пойдем покажу.

Пещеру было едва видно с воды – небольшое воронкообразное отверстие.

– Сейчас отлив, самое время, – поманила Соня. – Знаешь, вообще-то у нас очень маленькие приливы, почти незаметные, но есть особенная пещера, которую полностью заливают водой. Поплыли!

И она, словно юркая рыбка, устремила к дыре.

Кире было страшно, однако польщенная доверием подруги и подгоняемая любопытством, она последовала за Соней.

В пещере оказалось довольно темно, хотя кое-где виднелись сквозные отверстия, из которых сияла безмятежная морская гладь.

К счастью, сейчас здесь было не очень глубоко, и Кире, выбившейся из сил и наглотавшейся соленой воды, удалось встать на ноги.

– Это волшебная пещера, – объявила Соня. – Совершенно необыкновенное место. Папа говорил что-то про какие-то пустоты и про то, что она похожа на воронку, поэтому вода здесь прибывает гораздо больше, чем в других местах, и в прилив доходит до самого потолка.

Кира, запрокинув голову, разглядывала неровный потолок, нависающий над ними. Ей было очень не по себе и хотелось поскорее выбраться на солнце.

– Но это еще не все! – хитро поглядев на подругу, сказала Соня. – Самое интересное: под самым потолком есть такое место, оно как полка. Если спрятать туда что-нибудь, то сможешь достать только во время прилива. Правда, здорово?!

Кира кивнула, хотя от одной мысли, чтобы приплыть сюда в прилив и спрятать здесь что-то, становилось нехорошо. Как потом выбираться? Разве что нырять. А это уж совсем страшно.

– Если все получится, завтра я спрячу здесь один секрет, – продолжила тем временем Соня. – Надежнее места не найти.

И Кира снова кивнула, на этот раз совершенно искренне.

Девочки выбрались из пещеры.

– Приходи утром ровно в семь на наш пляж. Я тебе кое-что покажу! – пообещала Соня.

Пришлось завести будильник и выйти из дома рано-рано, пока мама с папой еще спали. Когда Кира добралась до пляжа, Соня уже была там.

– Чуть не уплыла без тебя! – встретила она Киру. – Нельзя упустить прилив.

– Я... – Кира запнулась, не зная, как признаться в том, что не готова к захватывающему, но опасному приключению. – Я не...

Но Соня правильно ее поняла.

– Тебе ничего не понадобится делать. Просто подожди меня снаружи. Я спрячу и вернусь. Хорошо?

– Хорошо, – Кира кивнула и покосилась на обмотанный пакетами маленький ящичек в руках у подруги. – А что там?

– А там секрет! – Соня усмехнулась. – Хочешь посмотреть?

Она развернула пакеты и открыла плотно закрывающуюся коробочку. Внутри оказалась флешка – Кира видела такую на работе у отца – и необыкновенно красивое кольцо в форме морской ракушки с жемчужиной посередине.

– Что это? – спросила она.

– Это – мое секретное оружие! – Соня выглядела очень довольной. – Очень страшное оружие!

– Ну конечно! – Кира наконец поняла, что подруга над ней издевается.

– Пообещай, что никому никогда не скажешь. Поклянись и перекрестись! – потребовала Соня.

Сбитая с толку Кира удивленно посмотрела на нее, но все же пробормотала: «клянусь» и широко перекрестилась.

– Тогда жди здесь! И смотри, чтобы никого не было! Поняла?

Кира не поняла, но снова пообещала сделать все так, как нужно Соне.

Сейчас вход в пещеру полностью скрылся под водой, и Кира с замиранием сердца следила за тем, как Соня исчезла в глубине. Она не показывалась так долго, что Кира едва не сошла с ума. Когда голова подруги наконец снова появилась над поверхностью воды, девочка едва устояла на ногах от радости.

– Ну всё! – объявила Соня. – Теперь никто не найдет мое оружие!

...После того странного случая прошла еще почти неделя, и все приближался срок возвращения домой, когда Соня снова позвала Киру в секретное место.

– Завтра возвращается отец, – объявила она. – И мне нужно достать наш секрет. Будешь ждать меня, как и в прошлый раз. Хорошо?

Кира заметила, что глаза у Сони возбужденно горят, и вообще все это время она была какая-то слишком нервная, порывистая. Не к добру. Почему-то от дурного предчувствия в груди сжималось сердце.

– Может, не надо? – попыталась отговорить подругу Кира.

Но та даже не стала слушать.

Как и в прошлый раз, она подплыла к скрытому под водой входу в пещеру, нырнула и... не вынырнула уже никогда.

Остальное Кира помнила смутно – людей, которые никак не хотели верить, что случилось что-то очень плохое, и гнали ее от себя, огромного милиционера, вой сирены... и вот уже новой вспышкой – выходящего из воды человека, несущего на руках хрупкое маленькое тело, а еще безумные глаза Стаса и его крик: «Убийца!» прямо ей в лицо.

Именно тогда и начался ее кошмар.

– Она запуталась в сети и не смогла выплыть, – проговорила Кира, глядя себе под ноги. – Я единственная находилась рядом и могла бы ее спасти.

– Разве? Наверняка тебе не раз указывали на то, что ты плохо плавала и скорее утонула бы сама, чем спасла Соню, – заметил Ветров.

Кира не ответила.

– Вот что, – Ветров бесцеремонно дотронулся до ее руки, – сейчас мы идем завтракать в кафе. Я заметил тут одно на входе в парк...

Есть Кире не хотелось, но она позволила отвести себя в похожее на аквариум одноэтажное здание. Пришлось подождать, пока официантка принесет заказ, а в это время Алексей, к Кириному облегчению, больше ее не спрашивал, а сам рассказывал что-то о своем детстве, проходившем в городке неподалеку. Девушка не вслушивалась в рассказ.

Наконец принесли кофе и блинчики.

– А вкусно, только попробуй, – сам Ветров уже с аппетитом доедал свою порцию. – Знаешь, я до сих пор помню, как мама водила меня на набережную, и мы ели там хачапури с яйцом, похожим на маленькое солнце, шумело море, сладко пахло акацией...

– Я не люблю море, – сухо произнесла Кира.

Она даже не притронулась к еде и потихоньку пила свой кофе.

– А зря. Это то же самое, что не любить жизнь только от того, что есть смерть. Море – это сосредоточие самой жизни, особенный мир. – Ветров промокнул губы салфеткой и отпил кофе.

После сытного завтрака он был настроен благодушно. – Знаешь, сколько легенд существует о море...

Он не договорил, потому что в этот момент на них упала тень. Плотная и словно и в самом деле тяжелая. Затем нависший над ними человек опустил на белый пластиковый стул, жалобно застонавший под весом садящегося, и звук этот оказался похож на вопль о помощи.

– Кира Митрохина, я не ошибся, – колючие серые глаза впились в Киру, и она замерла, словно и его взгляд, подобно взгляду мифической Медузы, мог обращать все живое в камень.

– Простите, а кто вы? – Ветров уставился на незнакомца насмешливо, словно на него не подействовали чары ужаса.

– Я велел тебе больше не появляться в этом городе, – продолжал человек, не обратив на Ветрова ни малейшего внимания.

– А, господин Шаблин! Собственной персоной! Какая честь! – обрадовался чему-то Алексей, с долей любопытства разглядывая Сониного отца. – В гостинице уже отчитались о нашем прибытии? Везде свои люди?

– И не сомневайтесь, господин журналист. У меня везде свои люди. И в гостинице, и в кафе. Вы еще пожалеете, что вообще вмешались в это дело, – Шаблин, наконец, удостоил Ветрова тяжелым свинцовым взглядом.

– Невероятно приятно, что вы навели про меня справки, – Ветров слегка наклонил голову, словно в шутовском поклоне. – Но я думал, – закончил он вдруг иным тоном, – что вы заинтересованы в том, чтобы найти убийцу вашей дочери.

Лицо Шаблина перекошилось. Казалось, еще секунда – и он схватит хлипкого собеседника и придушит его немедленно прямо в кафе.

– Это несчастный случай, – произнес Сонин отец спустя несколько напряженных минут, когда сам воздух между ними едва ли не искрил.

– Рыболовная сеть в пещере? – Алексей усмехнулся. – Вы и вправду верите, что ее затащило приливом? Знаете, я считал, что вам известно о вашем городе всё.

Лицо Шаблина побелело.

Кира видела, как его крупные руки, непохожие на руки олигархов, существовавших в ее представлении, сжимаются и разжимаются. Она хотела что-то сказать, но губы не слушались.

– Если Соню убили и вы найдете доказательства, я... вас отблагодарю, – произнес Сонин отец так, словно обещал сжечь обоих на костре.

Затем он швырнул на стол прямоугольник визитки, поднялся и вышел из кафе.

Тут же стало легче дышать.

– Ты убила мою дочь! Ну, отвечай же! – он тряс Киру, приподняв ее над уровнем земли, и в его руках она чувствовала себя пылинкой.

– Что вы себе позволяете! Отпустите мою дочь! Вы не видите, у нее стресс! Отпустите ребенка немедленно! – ее мама бросилась тогда к нему, словно курица, храбро растопырившая крылья, чтобы защитить цыплят от коршуна. – Моя дочь даже не умеет плавать!

И Шаблин, отшвырнув Киру от себя, ушел, бросил только напоследок:

– Никогда больше не появляйтесь в моем городе!

А она появилась.

– Симпатичная у него жена, – вернул Киру к реальности голос Ветрова. Мужчина с интересом разглядывал картинку в смартфоне. – Красотка – и лицо, и фигура – на высшем уровне. Неудивительно, что столько лет вместе. Сколько там насчитывается? Уже тринадцать. Гм... Несчастливое число. А детей нет. Любопытно, почему?

Кира решительно встала и вышла на улицу.

– Эй, ты куда? – догнал ее Ветров.

– Всё, – она махнула рукой. – Я уезжаю. Не нужно было сюда приезжать. Незачем.

– Да неужели? – Ветров опять, как и раньше, схватил ее за руку. – А я думал, тебе снится Соня. Ты не хочешь, чтобы все закончилось?

– Ничего не закончится, – слова, вырывавшиеся из горла, были сухими и острыми, как верблюжья колючка.

Девушка вырвалась и зашагала прочь.

– А ты пробовала это закончить? – ударил вопрос в ее незащищенную спину. – Что сделала ты, чтобы это закончить? Плакала? Годами сидела в одиночестве, не заводя друзей и ни с кем не встречаясь? Это помогло Соне? А тебе?

Кира зажала руками уши, только бы не слышать, но его слова, как и проклятый шум моря, не знали препятствий, гулом отдавались в ее голове. Что сделала она?

– Ты не выпалась. Тебе нужно отдохнуть и прийти в себя, – голос Ветрова неожиданно смягчился. – Пойдем, я провожу тебя в гостиницу. Отдохни, а я пробежусь по делам.

Непонятно, что особенного он сказал, но она неожиданно послушалась и, оказавшись в номере, даже смогла заснуть. И снова увидела Соню.

Соня стояла у кровати, одетая в мокрое платье, и сжимала в руках маленький, герметично закрывавшийся ящичек.

– Я ждала тебя, – сказала она, глядя на Киру. – Хорошо, что ты приехала. У меня есть один секрет... Только никому не говори...

Она открыла ящичек. Крышка громко щелкнула, и Кира, проснувшись, подскочила на кровати.

– Все еще спишь? – в комнату заглянул Ветров. – Ну, хотя бы выпалась. А я встречался со следователем. Он еще не вышел на пенсию и, конечно, прекрасно помнит подробности того дела. Можно? – он вошел внутрь, не дожидаясь ее согласия, но Кира и не думала спорить.

Она все еще была в той самой одежде, в которой гуляла по набережной и ходила в кафе, но все же натянула на себя одеяло, словно в детстве, когда пряталась под ним от всех страхов.

– Никаких улик не нашли и списали на несчастный случай, хотя отец девочки поднял весь город на уши, – заметил Ветров, открывая окно.

Теперь в комнату беспрепятственно проникал морской воздух.

Море... Оно мешало думать... Оно словно колотило ей в голову, словно кричало...

– А шкатулка? – тихо спросила Кира. – Что было в шкатулке?

– Какая шкатулка? – Алексей стремительно повернулся к ней.

– В пещере, под самым потолком, было тайное место. Соня прятала там шкатулку...

– Идем! – Ветров в нетерпении заходил по комнате. – Пойдем, покажешь мне эту бухту.

Чувствуя себя обреченной, Кира медленно поднялась с кровати. Она и не представляла, что может быть хуже. Но Соня... Соня сказала, что ждала. Может, стоило прислушаться к ее словам?

Бухта совсем не изменилась за прошедшие годы, и в ней, как всегда, не было ни души.

«Что, если Сонин секрет по-прежнему там?» – с замиранием сердца подумала Кира.

– Я осмотрюсь. Подожди меня здесь, – Ветров, оказывается, успел раздеться до плавок и спокойно вошел в море.

Она смотрела, как он плывет, пока мужчина не скрылся в узком проеме, ведущем в пещеру. Кира так сильно переплела пальцы, что они побелели, но девушка не обращала на это внимания.

Наконец Ветров появился и широкими гребками поплыл к берегу.

– И вправду не достать, – разочарованно заметил он, выходя на сушу. – Надо будет вернуться сюда с приливом.

– Нет! – Кира отшатнулась от него, словно увидев призрака.

– Ты точно знаешь, что шкатулка осталась в пещере? – настойчиво спросил Ветров, развернув девушку к себе.

Он был весь мокрый, весь с ног до головы пропахший морем.

– Да, да! – Кира едва не кричала и отвернулась, чтобы не смотреть на него. – Соня плыла, чтобы ее забрать.

– И угодила в сеть, – тихо закончил Ветров, выпустив девушку из рук.

Кира пошатнулась и едва не упала.

– И угодила в сеть, – тихо повторила она.

Соня плавала легко, как маленькая золотистая рыбка. Рыб обычно ловят в сети.

Так и произошло.

– А если шкатулку нашли после... после того, как Соня... – Кира заговорила об этом для того, чтобы отвлечься, но запнулась и остановилась на середине фразы.

– Не нашли! – торжествующе сообщил Ветров, натягивая на себя футболку, которая липла к еще мокрому телу. – Я видел список вещей по тому делу. Никакого ящичка или шкатулки там не было. А строение пещеры таково, что тяжелую по определению вещь не могло унести отливом. Значит, есть шанс, что шкатулка по-прежнему на месте. Остается взять ее тепленькой. Кстати... – он покосился на Киру. – А ты знаешь, что в причастности к убийству Сони Шаблиной подозревали некоего Станислава Борского?

Кира вздрогнула.

Стаса? Не может быть!

– Они поссорились перед этим с Соней, причем при свидетелях. Соня велела ему больше не попадаться ей на глаза, а Станислав обозвал ее и пообещал, что убьет. Как раз накануне.

– Стас? Зачем бы он стал ее убивать?

А в голове всплыло воспоминание.

– Надоед мне этот Стас, – говорила Соня, глядя не на Киру, а на море, по которому уже расплывалось кровавое пятно заходящего солнца. – Липкий, надоедливый, лживый. Фу!.. Ты знаешь, – ее голос вдруг сделался мягче, – не говори никому, но мне один человек нравится. Он старше и не из нашего города. Мы только один раз встречались, а он меня даже не заметил... У него есть своя страничка в сети, я туда иногда захожу и читаю. Как невидимка. Я о нем много знаю, а он обо мне – нет. Я ему три письма написала, а он даже не ответил. Может, даже не прочитал.

– Что за человек? – спросила Кира напряженным голосом.

Ей было обидно за Стаса, но в то же время в груди просыпалась робкая надежда.

– Ты его не знаешь! – отрезала Кира, резко поднимаясь на ноги. – Пойдем есть мороженое. Ребята ждут. А про Стаса я, между прочим, такое знаю...

– Что? – снова не выдержала Кира.

– Ничего, – отмахнулась Соня.

Кира понимала, что дочь миллионера Шаблина бывает ужасно упрямой и непредсказуемой, как и все эти богатенькие избалованные девчонки. Вот и Киру Соня приблизила, очевидно, только потому, что старые друзья ей просто надоели.

Кира слышала, что большинство из компании уже побывали у Сони в фаворитах. Ненадолго. Она неожиданно приближала к себе кого-то, а потом так же внезапно отталкивала и могла даже не поздороваться при встрече, хотя еще вчера нашептывала на ухо свои секреты. Может, это резкое охлаждение признак скорой опалы?

...Что, если в шкатулке что-то связанное со Стасом? Он один плавал не хуже Сони и вполне мог приготовить в пещере ловушку с сетью.

– Ну что, пойдём? – Ветров нетерпеливо переступил с ноги на ногу. – Извини, мне надо ещё по одному делу отлучиться. Проводить тебя до гостиницы?

– Нет, я лучше погуляю, – ответила Соня неожиданно для себя.

Все дело в том, что ей смертельно не хотелось оставаться наедине со своими мыслями. Уж лучше найти приличное кафе и посидеть там, читая книжку и неторопливо попивая красное вино. Все, что угодно, лишь бы не думать.

– Хорошо, – Алексей с подозрением на нее покосился, – если что, звони. Мой номер у тебя есть.

– Конечно.

Кира махнула рукой и пошла по бульвару. Здесь море оказалось загорожено полосой деревьев, и можно было почти забыть о нем...

Девушка облизнула губы, ощутив их солёный привкус. Море? Или слезы?

Она так долго жила с этим неподъёмным грузом вины, каждый день укоряя себя за то, что позволила Соне погибнуть. Сколько раз Кира мысленно возвращалась в те дни – решительно уводила Соню за руку с пляжа или даже бросалась за ней в море и вытаскивала на поверхность, сама едва дыша, захлебываясь солёной водой... Сколько раз повторяла привычное: «А что я могла сделать?!» Но кошмар не оставлял.

Нет, прочь мрачные мысли...

Чтобы отвлечься, Кира огляделась, и взгляд остановился на загорелом дочерна молодом человеке с большим фотоаппаратом, висящим на шее. Что-то в этом парне было знакомо...

– Девушка, не хотите романтическую фотосессию? – он поймал ее взгляд и, шагнув к ней, коснулся обнаженного локтя. – Вы такая красавица, что я не возьму с вас денег. Зачем мне деньги, когда я уже утонул в ваших глазах. Ну, соглашайтесь. Я Стас.

– Стас Борский? – переспросила Кира, думая, что таких совпадений не бывает.

– Мы знакомы? – он отступил и нахмурился, очевидно, не ожидая ничего хорошего от знакомых девушек.

– Я приезжала сюда, когда мне было двенадцать. Я Кира.

– Кира? – он нахмурился, а потом улыбнулся. – Ах да, Кира. Тебя ещё тогда Сонька в фаворитки выбрала. Помню-помню.

Он говорил о Соне так легко, что у Киры болезненно сжалось сердце.

– Пойдем выпьем пива. В жару пиво – самое оно! – Стас хохотнул. – Поболтаем по-дружески, а потом, глядишь, разведу тебя на фотосессию. Давай, красотка, не трать зря время. Время надо тратить с пользой!

Его взгляд лип к ее декольте, и это было неприятно, словно на коже и вправду оставались грязные маслянистые следы. Дешевый пикапер.

Вот каким стал Стас. Пожалуй, Соня была права...

– Я не пью. Мне некогда, извини, – она, обогнув его по большой дуге, поспешила дальше, и не подумав оглянуться на прощанье.

Убийца Стас Борский или нет, но ей хотелось держаться от него подальше.

Отойдя на безопасное расстояние, Кира зашла в первое попавшееся кафе и села за дальний столик. Самой большой популярностью пользовались столики, с которых открывался вид на море, но Кире этого как раз не требовалось. Ее вполне устраивал угол.

Вызывающе, слишком ярко, на столичный вкус, накрашенная официантка с чрезмерно длинными ногтями, напомнившими когти хищной птицы, обогранные кровью, принесла меню и неторопливо удалилась в сторону барной стойки.

Пришлось приложить усилия, чтобы снова привлечь ее внимание и заказать бокал вина и сырную тарелку.

В кафе было много отдыхающих. Наблюдая за ними, Кира чувствовала себя невидимкой.

Вот явный курортный роман, парочка самозабвенно целуется, не обращая внимания на других посетителей, но закончится отпуск – и они даже не вспомнят друг о друге. По крайней мере одна из сторон. Вот подружки громко обсуждают мужчин и свои достижения на любовном фронте. Чуть дальше за столиком мама с дочкой. Вероятно, мама учительница, по крайней мере ей явно хочется осадить молодежь. Так и есть – вот она уже подходит к парочке с замечанием...

Кира отвернулась. Когда она сама выпала из жизни?

Почему оказалась за непроницаемым стеклом?

Может быть, если им удастся довести дело до конца, это закончится, и стекло со звоном лопнет, выпуская ее на свободу?

Хорошо бы. Но реально ли это? Кира сомневалась.

Одно она знала совершенно точно: что сойдет с ума, если Ветров полезет во время прилива в эту чертову пещеру.

Она и так едва не рехнулась сегодня. Нет, надо повиснуть на нем и не пускать. Она ведь так мечтала вернуться в прошлое и остановить Соню. Может быть, это ее второй шанс?

Может быть, для того, чтобы стекло лопнуло, не нужно влезать в то, что их не касается?..

Мерный звук падающих капель привлек Кирино внимание.

Она подняла голову и задохнулась от ужаса.

Напротив сидела Соня. Вся мокрая, и с распущенных волос на деревянный пол падали капли – кап, кап, кап.

– Я ждала тебя, – объявила Соня, наклонившись через стол к Кире. – Ты должна мне помочь. Только тсс... никому не говори. Это страшная тайна. Видишь, я до сих пор доверяю тебе свои тайны. Найди кольцо. Я его потеряла. Найдешь – и станешь свободна. Поняла?

Кира закрыла глаза и замотала головой.

– Эй! Вам плохо?

Кира медленно подняла ресницы. Над ней стояла официантка с заказом.

Сони за столом, конечно, не было.

– Н-нет. Спасибо, – девушка попыталась улыбнуться, хотя вышло, кажется, не очень.

– Приятного аппетита! – официантка с грохотом поставила бокал на стол, и несколько выплеснувшихся капель вина показались Кире каплями крови. Она перевела взгляд вниз и едва не задохнулась от ужаса – на деревянном полу виднелись мокрые пятнышки, словно от капель, упавших с чьих-то волос.

Когда она вернулась в отель, Ветрова еще не было. Кира набирала его номер раз за разом, но в ответ шли только гудки, а вслед за тем равнодушный голос предлагал оставить для абонента сообщение. Все, чего хотела сейчас Кира, – просто знать, что рядом есть кто-то живой, настоящий. А в голову помимо воли лезли всякие мысли. О том, что с ним могло случиться все, что угодно. В этом городе, очевидно, со всеми что-то случается. Вернуться сюда было самой страшной ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.